

ГНЕВ И ДРУГИЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ТЯЖЕСТИ СУИЦИДАЛЬНОЙ ПОПЫТКИ В СВЯЗИ С ПЕРЕЖИВАНИЕМ БЕЗНАДЕЖНОСТИ

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова

Изучены предикторы тяжести суицидальных попыток у суицидентов, переживающих феномен безнадежности. В качестве потенциальных предикторов рассмотрены личностные переменные (гнев, склонность к насильственным действиям, переменные пятифакторной модели личности). Полученные результаты проанализированы как с точки зрения влияния феномена безнадежности (и ассоциированных с ним черт личности) на гендерные различия в суицидальном поведении, так и с позиций их значимости для формирования возможных терапевтических стратегий.

Ключевые слова: суицидальность, суицидальные попытки, гнев, пятифакторная модель личности, феномен безнадежности.

Суицидальное поведение относится к числу наиболее актуальных клинико-психологических и социальных проблем. Превенция суицидального поведения включает в себя оценку его риска, существующие подходы к которой основаны на анализе как социо-демографических параметров, так и некоторых клинико-психологических (в т. ч. личностных) переменных. Личностные особенности, на наш взгляд, представляют больший интерес с практической (психокоррекционной и/или психотерапевтической) точки зрения, являясь в той или иной степени потенциальными терапевтическими мишенями. Известно, что мощным предиктором и суицидальных попыток (СП), и завершенных суицидов (ЗС) является феномен безнадежности (ФБ), что подтверждается рядом проспективных исследований [1, 2], однако природа предсказательной силы ФБ остается не совсем понятной.

S. S. Tomkins еще в 1963 г. предположил, что печаль является врожденным активатором гнева [3]. Исследования последних лет показывают, что такие черты, как гнев и агрессивность (в частности, склонность к насилию) в значительной степени ассоциированы с суицидальным поведением у подростков [4] и взрослых [5–8]. Тем не менее в этой области остается много спорного и неясного [9]. Сообщается, что ФБ ассоциируется у подростков с повышенными уровнями гнева и агрессивности [10], однако исследований, проясняющих связи между гневом, склонностью к насилию (и другими личностными переменными) и степенью тяжести СП (СТСП) для категории суицидентов, переживающих ФБ, явно недостаточно.

Настоящее исследование направлено на изучение значения личностных переменных в предсказании СТСП у категории суицидентов, переживающих ФБ, в сравнении с остальной выборкой суицидентов, являющихся участниками шведско-украинского проекта по изучению генетики суицидального поведения (2000–2005 гг.)*. Целью исследования была попытка конкретизации количественной (сила) и качественной (конкретные черты личности) сторон влияния личностных переменных (как predispositions к суицидальному поведению) на СТСП, что, по нашему мнению, может помочь в разработке более специфичных терапевтических программ для этой подгруппы суицидентов.

Из базы данных лиц, совершивших СП, была отобрана группа суицидентов численностью 663 человека (данная группа состояла из пациентов стационаров и амбулаторных учреждений г. Одессы и других городов Украины в возрасте от 18 до 78 лет). Критерием исключения было наличие сопутствующего психотического расстройства или интеллектуального снижения различного происхождения. В группу вошли 335 мужчин (50,5%) (средний возраст — 24,85±7,25 года) и 328 (49,5%) женщин (средний возраст — 24,85±7,99 года).

В соответствии с целями исследования суициденты были протестированы при помощи шкалы безнадежности Бека (в модифицированном A.-M. Aish и D. Wasserman варианте [11]) и по итогам тестирования разбиты на две группы в зависимости от наличия ФБ. В первую группу лиц, обнаруживающих ФБ, вошли 230 человек, из них 124 мужчины (53,9%) и 106 женщин (46,1%). Средний возраст мужчин и женщин в этой группе соответственно

* Данные, использованные в работе, получены при выполнении совместного шведско-украинского исследовательского проекта ГИСС «Генетическое исследование суицида и суицидальных попыток» (рук. — проф. Д. Вассерман, проф. В. А. Розанов, при финансовой поддержке Wallenberg Foundation).

составлял $25,22 \pm 8,5$ и $27,08 \pm 8,96$ года. Во вторую группу пациентов, не обнаруживающих ФБ, вошли 433 человека, распределение по половому признаку в этой группе оказалось следующим: 222 мужчины и 211 женщин. Средний возраст мужчин составил $24,64 \pm 6,42$ года, женщин — $25,38 \pm 7,45$ года. СТСП оценивалась в соответствии с 8-балльной «Медицинской шкалой самоповреждений» (0 баллов без последствий, 8 баллов — летальный исход). В базе данных содержались сведения о лицах, совершивших попытку, оцениваемые в 2 балла и более (2 балла подразумевают наличие легких, но клинически отчетливых медицинских последствий).

В исследованной выборке суициденты распределились по СТСП следующим образом: 2 балла — 165 чел., 3 балла — 242 чел., 4 балла — 169 чел., 5 баллов — 64 чел., 6 баллов — 18 чел., 7 баллов — 5 чел. Средняя тяжесть суицидальной попытки $3,31 \pm 1,08$, с учетом наличия/отсутствия ФБ у испытуемых $3,25 \pm 1,01$ и $3,34 \pm 1,11$, с учетом гендерного признака: мужчины $3,29 \pm 1,07$ и $3,26 \pm 1,13$, женщины $3,21 \pm 0,09$ и $3,42 \pm 1,09$ соответственно. Из них 329 человек совершили попытку путем самоотравления, 52 — самоповешением, 9 — самоутоплением, 5 — посредством огнестрельного оружия, 1 — огнем, дымом, 2 — паром, 210 — самоповреждением острыми предметами, 3 — тупыми предметами, 35 — путем падения с высоты, 7 — падением под движущийся объект, 3 — путем провоцирования автоаварии, 7 — другими способами. Количественное соотношение между методами попыток в выборке было близким к наблюдаемому в общей популяции в г. Одессе [12]. Обследование респондентов проводилось в стационаре с учетом соматического и психологического состояния обычно на 3–5-й день после совершенной попытки либо в домашних условиях, либо в ситуации психологического консультирования непосредственно после выписки из стационара.

Основными инструментами в исследовании были следующие шкалы и опросники: 1) TAS, шкала характеристик гнева [13]; 2) PFAV, шкала оценки риска насильственных действий Плутчика [14]; 3) личностный опросник NEO-PR [15]. Опросник NEO-PR позволяет получить как переменные, отражающие факторный уровень организации личности и темперамента (факторы нейротизм (N), экстраверсия (E), открытость опыту (O), уживчивость (A) и сознательность (C)), так и переменные, отражающие состав каждого из этих факторов (уровень фасеток — каждому фактору соответствует 6 фасеток, всего 30). В связи с этим строились модели, включающие уровень факторов (модели «А», «В», «С», «D») и уровень фасеток NEO-PR (модели «Е», «F», «G», «H»).

Переменные, полученные с использованием указанных инструментов (гнев, склонность к насильственным действиям (СНД), факторы (фасетки) NEO-PR), использовались в регрессионных моделях в качестве независимых переменных (зависимая переменная — СТСП), также был применен метод линейной регрессии. Модели строились отдельно для первой и второй групп с учетом гендерного признака. Независимые переменные рассматривались как метрические, зависимая — как условно метрическая. Контролируемой переменной был возраст респондента.

Статистическая обработка полученных данных проводилась с использованием пакета статистических программ SPSS 13.0.

Полученные результаты представлены в таблицах 1–4. Таблицы 1 и 3 содержат списки переменных, вошедших в анализ для каждой из моделей, значение стандартизованного коэффициента регрессии (β) и его стандартной ошибки для каждой переменной, уровень статистической значимости каждого коэффициента. Таблицы 2 и 4 отражают параметры полученных моделей: коэффициент детерминации R^2 (в т. ч. скорректированный), отражающий долю дисперсии зависимой переменной, объясняемую дисперсией независимых переменных, а также уровень статистической значимости модели (p). В указанных таблицах модель «А» описывает взаимодействие переменных в группе мужчин без ФБ, модель «В» — в группе мужчин, обнаруживающих ФБ, модель «С» — в группе женщин без ФБ, а модель «D» — в группе женщин с ФБ.

В модели «А» ни один из предполагаемых предикторов не оказался значимым, и статистически значимую модель «А» в целом построить не удалось. Для модели «В» значимыми предикторами оказались переменные *СНД*, *гнев* и *открытость опыту* ($p < 0,05$). Для модели «С» значимыми предикторами были переменные *открытость опыту* и *экстраверсия* ($p < 0,05$). Для модели «D» единственным предиктором оказалась переменная *нейротизм* ($p = 0,01$) (табл. 1).

Коэффициенты детерминации R^2 (табл. 2) указывают на то, что наибольший объем дисперсии зависимой переменной (10,9%) объясняется независимыми переменными в модели «В»: R^2 равен 0,109. Модели «С» и «D» обнаруживают значительно меньшую «мощность»: R^2 равен 0,034 и 0,053 соответственно. Дисперсионный анализ показывает статистическую значимость этих трех моделей ($p < 0,01$). Модель «А» неадекватно отражает полученные данные ($R^2 = -0,002$, $p = 0,470$) и не может быть интерпретирована.

Таблицы 3 и 4 представляют параметры моделей, включающих 30 фасеток, смысл которых

аналогичен таковим в таблицах 1 и 2. Для модели «Е» наиболее мощным предиктором оказалась фасетка *ранимость* ($p = 0,005$), относящаяся к фактору *нейротизм*. Коэффициент детерминации (R^2) для этой модели равен 0,064. Таким образом, модель описывает 6,4% дисперсии зависимой переменной. Для модели «F» таким предиктором оказалась переменная *гнев* ($p < 0,001$), для модели «G» — фасетка *доверие* ($p = 0,002$), для модели «H» — фасетка *депрессия* ($p = 0,002$). Значения коэффициентов детерминации в этих моделях в порядке убывания распределились следующим образом: 0,256 для модели «F» (25,6% объясняемой дисперсии зависимой переменной), 0,133 для модели «H» (13,3% объясняемой дисперсии), 0,100 для модели «G» и 0,064 для модели «E» (10 и 6,4% объясняемой дисперсии соответственно). Все четыре модели статистически значимы ($p < 0,005$).

Сравнение коэффициентов R^2 показывает, что именно лица — носители ФБ (особенно мужчины) в наибольшей степени обнаруживают связь между личностными особенностями и степенью летальности суицидального поведения. Имеет ли это отношение к предиктивной силе самого ФБ относительно завершённого суицида, сказать однозначно трудно. Возможность наличия у таких лиц более выраженной личностной предрасположенности к тяжелому суицидальному поведению может быть проанализирована в рамках диатез-стрессовой

модели суицидальности [16], рассматривающей, в том числе, и нейробиологические аспекты проблемы [17]. В этом смысле ФБ — вероятный маркер или индикатор повышенной уязвимости человека, и для мужчин переживание ФБ увеличивает вклад личностных переменных в предикцию СТСП, судя по коэффициентам детерминации, в 4 раза ($R^2 = 0,064$ vs $R^2 = 0,256$).

Группы с ФБ. Для мужчин в обеих моделях наиболее мощным предиктором тяжелых суицидальных попыток (и вероятно, типичного для мужчин гендерного паттерна суицидального поведения — ЗС) явилась одна и та же комбинация черт: высокий уровень переживания гнева (эмоции, обеспечивающие готовность к действию и часто активизирующиеся вместе с эмоциями отворачивания и презрения, — «триада враждебности» [18]), низкий риск насильственных действий (по данным анкеты Плутчика), возможно, косвенно отражающий подавление агрессии, склонность к аутоагрессии и сложности в экспрессии гнева в сочетании с низким уровнем значений фактора *открытость опыту*. Относительно последнего параметра следует отметить, что это черта личности, низкий уровень которой, с одной стороны, связан с менее интенсивным переживанием как негативных, так и позитивных эмоций, с другой — с большей консервативностью и, возможно, с большей ригидностью [19]. Такое сочетание

Таблица 1

Коэффициенты регрессии

Модель	Переменная	Стандартизованные коэффициенты регрессии		Критерий Стьюдента	
		Собственное значение (β)	Стандартная ошибка	Собственное значение (t)	p
«А»	—	—	—	—	—
	СНД	-0,279	0,020	-2,980	0,003
«В»	Гнев	0,263	0,014	2,809	0,006
	Открытость опыту	-0,222	0,008	-2,602	0,010
	Открытость опыту	0,222	0,008	3,013	0,003
«С»	Экстраверсия	-0,157	0,007	-2,136	0,034
«D»	Нейротизм	-0,250	0,008	-2,629	0,010

Таблица 2

Параметры моделей

Модель	Коэффициенты детерминации		Дисперсионный анализ	
	R^2	Скорректированный R^2	F	p
«А»	0,032	-0,002	0,949	0,470
«В»	0,131	0,109	6,011	0,001
«С»	0,043	0,034	4,948	0,008
«D»	0,062	0,053	6,914	0,01

Таблиця 3

Коефіцієнти регресії

Модель	Переменная	Стандартизованные коэффициенты регрессии		Критерий Стьюдента	
		Собственное значение (β)	Стандартная ошибка	Собственное значение (t)	p
«Е»	N6 ранимость	-0,287	0,009	-2,807	0,005
	O5 идеи	-0,234	0,009	-2,406	0,017
	O1 фантазия	0,194	0,01	2,151	0,033
	N5 импульсивность	0,177	0,008	2,303	0,022
	N3 депрессия	0,175	0,09	1,896	0,059
	O3 чувства	-0,135	0,008	-1,776	0,077
	A1 доверие	0,129	0,008	1,733	0,085
	гнев	0,338	0,013	3,759	<0,001
	СНД	-0,317	0,020	-3,435	0,001
	O4 действия	-0,293	0,01	-2,862	0,005
«F»	A1 доверие	0,258	0,009	2,843	0,005
	O6 ценности	-0,252	0,009	-2,892	0,005
	N3 депрессия	0,235	0,008	2,570	0,011
	E6 позитивные эмоции	0,229	0,01	2,134	0,035
	A3 альтруизм	-0,211	0,009	-2,295	0,024
	E2 общительность	0,174	0,01	1,703	0,091
«G»	A1 доверие	0,240	0,007	3,111	0,002
	E6 позитивные эмоции	-0,190	0,007	-2,645	0,009
	O1 фантазии	0,189	0,008	2,717	0,007
	N6 ранимость	0,164	0,007	2,289	0,023
	A4 уступчивость	-0,137	0,007	-1,895	0,059
	O5 идеи	0,128	0,007	1,839	0,067
	N3 депрессия	0,313	0,008	3,197	0,002
«H»	A6 чуткость	-0,269	0,008	-2,303	0,023
	C3 послушность долгу	0,248	0,007	2,505	0,014
	A1 доверие	0,215	0,008	2,043	0,044
	O5 идеи	-0,174	0,008	-1,853	0,067

Таблиця 4

Параметры моделей

Модель	Коефициенты детерминации		Дисперсионный анализ	
	R ²	Скорректированный R ²	F	P
«Е»	0,095	0,064	3,042	0,005
«F»	0,311	0,256	5,684	<0,001
«G»	0,125	0,100	5,107	<0,001
«H»	0,174	0,133	4,215	0,002

предикторов отчасти согласуется с существующим взглядом на суицидальное поведение как на агрессию, направленную на самого себя [20]. Более детальная модель для этой группы испытуемых «F» в принципе обнаруживает ту же констелляцию предикторов, что и модель «B»: основными предикторами остались переменные *СНД* и *гнев*, вклад уровня фасеток в наибольшей степени осуществляем негативными предикторами — фасеткой *О4 действия* (низкие значения связаны с предпочтением «старого и проверенного» новым впечатлением, ситуациям, активности и т. п.) и фасеткой *Об ценности* (низкие значения связаны с такими чертами, как консерватизм и догматизм).

Модели «H» и «D» показывают, что вероятность тяжелых СП у «безнадежных» женщин связана с низкими значениями фактора *N нейротизм* (модель «D») и высокими значениями фасетки *N3 депрессия* (модель H). На первый взгляд, результаты вполне логичны: тяжелые СП в этой группе прямо предсказываются личностной predisпозицией к депрессивным состояниям, большая частота которых у женщин — доказанный факт. Такой вывод, однако, никак не объясняет т. н. «суицидальный парадокс»: меньшую частоту ЗС, т. е. «сверхтяжелых» суицидальных попыток у женщин на фоне большей частоты аффективных расстройств по сравнению с мужчинами [21]. Однако прямая предикция легких СП *нейротизмом* (модель «D»: фактор *N* — негативный предиктор СТСП) может пролить некоторый свет на эту проблему. *нейротизм* как личностное измерение более многообразен и «аморфен», чем негативная аффективность, увязываемая с фасеткой *N3 депрессия*, и включает в себя другие негативные эмоциональные состояния (страх, раздражение, гнев, чувство вины, отвращения и др.), и именно эти чувства, точнее особенности их внутренней переработки, Г. Айзенк считал «сердцевиной» *нейротизма*, Трудности эмоциональной регуляции [22] могут быть связаны с особым «женским» паттерном суицидального поведения. Конечно, предложенные модели слишком «линейны» в понимании различий между гендерными паттернами суицидального поведения, и данная проблема требует дальнейшего исследования. Кроме того, переменная *СНД*, оказавшаяся самым сильным предиктором СТСП в группе «безнадежных» мужчин, очевидным образом более чувствительна к «мужскому» стилю поведения (8 из 12 пунктов шкалы PFAV связаны с аспектами физического насилия, более свойственного мужчинам), что могло отразиться на полученных результатах.

Группы без ФБ. В группе мужчин-суицидентов, не обнаруживающих ФБ, отсутствие значимых предикторов (модель «A»), вероятно, объясняется

большим вкладом ситуационных переменных либо влиянием процессуальных личностных переменных (склонности к переживанию определенных психических состояний). Тем не менее негативный предиктор *N6 ранимость* модели «E» указывает на низкую чувствительность к стрессу у суицидентов с тяжелыми СП в этой группе. Неясно в данном случае, идет ли речь о субъективной нечувствительности к стрессу или об отсутствии желания декларировать свою чувствительность. В группе женщин *экстраверсия* очевидно является протективным фактором, предсказывая низкие значения переменной СТСП, а *открытость опыту* — напротив, является фактором риска тяжелых СП. Следовательно, статус «гендерной типичности» для СП (легкие попытки) у женщин связан с большим консерватизмом, низким стремлением к «новым идеям и нетрадиционным ценностям» [23], точнее — низкими интересом к своему внутреннему миру и любознательностью (фасетки *О1 Фантазия* и *О5 идеи*, модель «G»); в меньшей степени — с большей «социophilностью», интересом к людям и ассоциированными с этим ощущениями радости и счастья (фасетка *Е6 позитивные эмоции*, модель «G») и, самое важное — с меньшим уровнем доверия к людям (фасетка *A1 доверие*). Является ли «идея смерти» (или нечто иное) некой «внутренней идеей», открытость которой определяет большую тяжесть СП, или низкий уровень фактора *О* означает меньшую склонность к рефлексии и интроспекции, меньшую «чувствительность» к каким-то внутренним процессам, определяющим тяжесть СП, вопросы, которые предстоит решить в дальнейших исследованиях. Во всяком случае, значение интроспекции и осознания в формировании суицидальной мотивации показано в некоторых работах [24].

В работе с суицидентами, переживающими ФБ, следует учитывать значимость упомянутых выше черт личности в формировании риска тяжелых суицидальных попыток. Для суицидентов, переживающих ФБ, предсказание гендерных суицидальных паттернов — ЗС для мужчин и СП для женщин — возможно на основе аффектов, лишь косвенно связанных с депрессией. Для мужчин это уровень гнева (также «покрываемого» личностным измерением *нейротизм*), для женщин — более широкий круг «недепрессивных» аффектов, включаемых в это же измерение (особенности моделей «D» и «H»). Этот аспект указывает на важность учета в процессе превенции и поственции суицидального поведения людей, переживающих ФБ, не только депрессивных predisпозиций, но и других негативных аффектов. В данном контексте следует отметить, что гнев и депрессия очень часто уживаются в одной личности и что

ненависть к самому себе и своему состоянию являются частыми «фигурами» терапевтической работы с такими лицами.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Принадлежность к группе переживающих ФБ для суицидента означает бóльшую зависимость СТСП (и возможно — вероятности ЗС) от личностных переменных, причем для женщин это характерно в значительно меньшей степени.

Для мужчин с ФБ наиболее важной чертой личности в предикции тяжелых попыток является уровень гнева и особенности его экспрессии в сочетании с такими чертами, как консервативность и догматизм, для женщин — уровень личностной predisпозиции к депрессии (фасетка N3 депрессия).

Гендерные паттерны суицидального поведения, ассоциированные с ФБ, вероятно могут быть предсказаны уровнем «недепрессивных» аффектов личностного измерения *нейротизм*, что важно учитывать в терапевтической работе.

Л и т е р а т у р а

1. *Kuo W., Gallo J., Eaton W.* Hopelessness, depression, substance disorder, and suicidality — a 13-year community-based study // *Soc. Psychiatry Psychiatr. Epidemiol.*— 2004.— Vol. 39, Iss. 6.— P. 497–501.
2. Cognitive Risk Factors and Suicide Attempts Among Formerly Hospitalized Adolescents: A Prospective Naturalistic Study / D. B. Goldston, S. S. Daniel, B. A. Reboussin et al. // *J. of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry.*— 2001.— Vol. 40, Iss. 1.— P. 91–99.
3. *Tomkins S. S.* Affect, imagery, consciousness.— Vol. II: The negative affects.— N. Y.: Springer, 1963.— 238 p.
4. Suicidal ideation and aggressiveness in school-aged youths / P. Miotto, M. De Coppi, M. Frezza et al. // *Psychiatry Res.*— 2003.— Vol. 120, Iss. 3.— P. 247–255.
5. Characteristics of suicide attempts of patients with major depressive episode and borderline personality disorder: a comparative study / P. H. Soloff, K. G. Lynch, T. M. Kelly et al. // *Am. J. Psychiatry.*— 2000.— Vol. 157, Iss. 4.— P. 601–608.
6. *Giegling I., Olgiati P., Hartmann A. M.* Personality and attempted suicide. Analysis of anger, aggression and impulsivity // *J. of Psychiatric Research.*— 2009.— Vol. 43, Iss. 16.— P. 1262–1271.
7. *Plutchik R., van Praag H. M., Conte H. R.* Correlates of suicide and violence risk: III. A two-stage model of countervailing forces // *Psychiatry Research.*— 1989.— Vol. 28, Iss. 2.— P. 215–225.
8. The Suicide and Aggression Survey: A semistructured instrument for the measurement of suicidality and aggression / M. L. Korn, A. J. Botsis, M. Kotler et al. // *Comprehensive Psychiatry.*— 1992.— Vol. 33, Iss. 6.— P. 359–365.
9. Suicide risk in depression and bipolar disorder: Do impulsiveness-aggressiveness and pharmacotherapy predict suicidal intent? / M. Pompili, M. Innamorati, M. Raja et al. // *Neuropsychiatr. Dis. Treat.*— 2008.— Vol. 4, Iss. 1.— P. 247–255.
10. Reid Hopelessness in Inpatient Youths: A Closer Look at Behavior, Emotional Expression, and Social Support / H. Javad, M. D. Kashani, B. A. Lourdes Suarez et al. // *J. of the Am. Academy of Child & Adolescent Psychiatry.*— 1997.— Vol. 36, Iss. 11.— P. 1625–1631.
11. *Aish A. M., Wasserman D.* Does Beck's Hopelessness Scale really measure several components? // *Psychol. Medicine.*— 2001.— Vol. 31.— P. 367–372.
12. Данные мониторинга суицидальных попыток в г. Одессе за период 2001–2005 гг. / В. А. Розанов, С. Е. Захаров, П. Г. Жужуленко, Г. Ф. Кривда // *Соц. и клин. психиатрия.*— 2009.— Т. 19, вып. 2.— С. 35–41.
13. Assessment of anger: The State Trait Anger Scale / C. D. Spielberger, G. Jacobs, S. Russell, R. Crane // *Butcher J. N., Spielberger C. D. Advances in personality assessment Hillsdale.*— N. Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 1983.— Vol. 3.— P. 112–134.
14. *Plutchik R., van Praag H. M.* A self-report measure of violence risk, II // *Comprehensive Psychiatry.*— 1990.— Vol. 31, Iss. 5.— P. 450–456.
15. *Бурлачук Л. Ф., Королев Д. К.* Адаптация опросника для диагностики пяти факторов личности // *Вопр. психологии.*— 2000.— № 1.— С. 126–134.
16. *Oquendo M. A., Giner L., Mann J. J.* Suicide // *Biology of Encyclopedia of Stress.*— 2007.— P. 677–684.
17. *Розанов В. А.* О механизмах формирования суицидального поведения и возможностях его предикции на ранних этапах развития // *Укр. мед. журн.*— 2010.— № 1 (75)— С. 92–97.
18. *Изард К. Э.* Психология эмоций.— СПб.: Питер, 2008.— 464 с.
19. Openness to experience, plasticity, and creativity: Exploring lower-order, high-order, and interactive effects / P. J. Silvia, E. C. Nusbaum., C. Berg et al. // *J. of Research in Personality.*— 2009.— Vol. 43, Iss. 6.— P. 1087–1090.
20. *Меннингер К.* Война с самим собой.— М.: Эксмо-Пресс, 2000.— 480 с.
21. Gender differences in self-reported minor mental disorder and its association with suicide. A 20-year follow-up of the Renfrew and Paisley cohort / D. Gunnell, F. Rasul, S. A. Stansfeld et al. // *Soc. Psychiatry Psychiatr. Epidemiol.*— 2002.— Vol. 37, Iss. 10.— P. 457–459.
22. *Eysenck H. J., Eysenck S. B. G.* Manual of the Eysenck personality scales.— London: Hodder&Stoughton Sevenoaks, 1991.— 230 с.

23. *Costa P. T. Jr., McCrae R. R.* Bibliography for the Revised NEO Personality Inventory (NEO PI&R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI) [Электронный ресурс].— Режим доступа: [www.parinc.com: psychological Assessment Resources](http://www.parinc.com/psychological%20Assessment%20Resources).
24. *Chatard A., Selimbegović L.* When Self-Destructive Thoughts Flash Through the Mind: Failure to Meet Standards Affects the Accessibility of Suicide-Related Thoughts // *J. of Personality and Social Psychology*.— 2011.— Vol. 100, Iss. 4.— P. 587–605.
-

ГНІВ ТА ІНШІ ОСОБИСТІСНІ ПРЕДИКТОРИ ТЯЖКОСТІ СУЇЦИДАЛЬНОЇ СПРОБИ У ЗВ'ЯЗКУ З ПЕРЕЖИВАННЯМ БЕЗНАДІЇ

А. А. МИДЬКО, В. А. РОЗАНОВ

Досліджено предиктори тяжкості суїцидальних спроб у суїцидентів, які переживають феномен безнадії. Як потенційні предиктори розглянуто особистісні змінні (гнів, схильність до насильницьких дій, змінні п'ятифакторної моделі особистості). Отримані результати проаналізовано як з точки зору впливу феномену безнадії (та асоційованих з ним рис особистості) на гендерні відмінності в суїцидальній поведінці, так і з позицій їх значущості для формування можливих терапевтичних стратегій.

Ключові слова: суїцидальність, суїцидальні спроби, гнів, п'ятифакторна модель особистості, феномен безнадії.

ANGER AND OTHER PERSONALITY PREDICTORS OF SEVERITY OF SUICIDAL ATTEMPT CAUSED BY HOPELESSNESS EXPERIENCE

A. A. MIDKO, V. A. ROZANOV

The predictors of severity of suicidal attempt in persons with hopelessness phenomenon were investigated. Personality variables (anger, predisposition to coercive actions, variables of five-factor personality model) were considered potential predictors. The obtained findings were analyzed from the perspective of influence of hopelessness phenomenon (and related to it personality features) on gender differences in suicidal behavior as well as from the perspective of their significance in forming possible therapeutic strategies.

Key words: suicide, suicidal attempt, anger, five-factor personality model, hopelessness phenomenon.

Поступила 03.11.2010